

Николай Добролюбов

От дождя да в воду



Николай Добролюбов

От дождя да в воду

«Public Domain»

1861

Добролюбов Н. А.

От дождя да в воду / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1861

Статья является ответом на нападки либеральной печати на Добролюбова по поводу статьи «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (см. наст. т.) и служит как бы ее продолжением. В статье «Всероссийские иллюзии...» Добролюбов подверг резкой критике составленные Н. И. Пироговым «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859), которыми знаменитый хирург, служивший в то время попечителем Киевского учебного округа, закрепил существовавшие школьные порядки, в том числе телесное наказание, против которого сам высказывался в печати.

© Добролюбов Н. А., 1861

© Public Domain, 1861

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	8
--	---

Николай Александрович Добролюбов

От дождя да в воду

Впредь утро похваляю, как вечер уж наступит.

И. Дмитриев^[1]

По случаю прощанья Киевского учебного округа с Н. И. Пироговым, 4 апреля нынешнего года^[2], русская журналистика сочла нужным вспомнить и меня с моею статейкою: «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами», напечатанною в первой книжке «Современника» прошлого года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута триумфального удаления его будет очень удобна для того, чтобы бросить несколько комков грязи в темного журналиста, осмелившегося когда-то жестко отозваться об одном из распоряжений г. Пирогова^[23].

Долгое время не бывши в Петербурге^[3], я только на днях мог прочитать некоторые из статей, написанных против меня по поводу киевских «Правил о проступках и наказаниях». Не ради этих статей, слишком легких и бездоказательных, и не ради самого г. Пирогова, наверное, лучше других понявшего сущность моих возражений, – но ради самого дела, которое теперь,

¹ Впрочем, как бы опасаясь не попасть в такую маленькую цель, некоторые господа придумали – к подписи моей статьи – прибавить еще три слога и таким образом обращались уже не к имени, которым подписана статья, а к господину Добролюбову. Так, например, сделал г. Драгоманов в 54 № «Русской речи». Г-н Драгоманов (как видно из брошюрки: «Прощание Киевского учебного округа с Н. И. Пироговым»)^[22] – студент одного из первых курсов университета, и потому для будущей его деятельности в литературе (к которой он, по-видимому, имеет наклонность) не мешает ему узнать кое-что о литературных приличиях. Видите что. Мы все желаем, конечно, самой решительной и полной гласности во всех делах общественных, и жаловаться на нее в этих случаях я считаю недостойным человека, хоть сколько-нибудь уважающего себя. Но в отношениях частных, семейных и личных – усердие к гласности должно, по-моему, быть сдерживаемо некоторым чувством деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли в моих словах уголовное преступление, пусть начинают судебный иск – я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь к суду и не буду противиться обнародованью процесса с моим полным именем. Если, по мнению господ, вооружающихся против меня, поступок мой не подходит под те, которые караются законом, но тем не менее остается возмутительным и невыносимым для них, – пусть требуют от меня каких угодно личных удовлетворений: я опять не откажусь объявить мое имя и адрес. Но покамест дело остается в пределах литературного спора, я не могу признать за моими возражателями право называть меня произвольными именами. Кроме того, что эта бретёрская привычка не хороша уже сама по себе, как свидетельство полицейского неуважения к инкогнито, – я нахожу в ней следующие два неудобства для моей личности. Во-первых, раз допустивши произвольную подстановку фамилия писателя, нельзя уже будет остановить порывов журнального остроумия... Вот, например, г. Драгоманов, припомнив, кажется, одну из комедий Фонвизина (Бригадир: *Добролюбов, любовник Софьи*), называет меня Добролюбовым, а какой-то другой господин (в «Сыне отечества», кажется, или, может быть, в «Иллюстрации»), вдохновляясь, очевидно, другою комедиею Фонвизина (Недоросль: *Скотинины все родом крепколобы*), – уверяя, что моя фамилия – *Крепколобов*. Третий после этого скажет, что я – *Деризубов*, четвертый – *Подлолюбов* и т. д. Все это будет, конечно, нимало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вот какое: пока вы говорите о – *бова*, вы говорите о его статье и о том, что можно заключить из статьи, – и только. Тут я вас не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать – вам же хуже. Публика имеет пред глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы вместо моей подписи называете полную фамилию (верно или неверно – все равно), публика видит, что у вас были какие-то частные сведения об авторе, кроме того, что известно всем из печати. И если вы, говоря о статье – *бова*, уверяете, что г. Добролюбов – умный человек, но поборник либерального деспотизма, и затем даете видеть, что он легкомыслен и неблагонамерен, то ведь читатель-то вправе подумать, что вы всё это говорите – или по личному знакомству с г. Добролюбовым, или по достоверным частным сведениям. И вследствие того читатель может решить: «Конечно, из статьи – *бова* не видно того, что выводит об авторе г. Драгоманов, но, как видно, он имеет и другие данные для характеристики г. Добролюбова, – надо ему верить...» И вам не совестно было бы, г. Драгоманов, подобным путем приобрести доверие читателя, когда вы и сами, вероятно, имеете обо мне разве лишь самые смутные сведения, перешедшие через бог знает сколько рук!.. Кстати, для предостережения публики от подобных вам господ, я замечу здесь (преодолевая неохоту говорить о себе), что, кроме трех или четырех литераторов, с которыми одними я по моим занятиям веду постоянные сношения, хоть мне и приходилось встречаться со множеством других, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вежливостями, и в рассуждениях обо мне и моих литературных занятиях я никогда ни с кем из них не пускался. Из печатных же отзывов обо мне (в последнее время довольно частых) я вижу, что эти господа не имеют понятия не только о моем характере, но даже и об образе мыслей. Поэтому мне очень странно, что так бесцеремонно поступили со мною г. Драгоманов, о существовании которого узнал я из его статейки, и «Русская речь», ни одного из редакторов которой я и в глаза не видывал^[23].

^[22] Брошюра была издана в Киеве в 1861 г., а затем перепечатана во многих газетах и журналах.

^[23] Газеты «Русская речь» (Москва, 1861–1862) издавала Е. В. Салиас де Турнемир, а редактировал Е. М. Феоктистов.

по удалении г. Пирогова, остается в большей опасности, чем как было при нем, – я решаюсь снова поднять старый вопрос, пользуясь для своих объяснений полемическими статейками против меня.

Я не знаю, должен ли оправдываться против обвинений, будто я написал свою статейку с намерением унижить и оскорбить г. Пирогова. Может быть, и надо бы: ведь редко кто захочет проверить обвинения и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назад, – в этом положение мое перед обвинителями очень невыгодно. Притом же «Современник» вообще известен тем, что находит ехидное наслаждение в попирании всяких заслуг, в опозорении всего священного и возвышенного, в «облаянии» всякой благородной личности!» Об этом так часто и так усердно кричали, что робких людей, может быть, и уверили... Поэтому не удивительно, что иные читатели весьма серьезно примут, например, такие выходки: «Отечественные записки» говорят, что г. Пирогов «был предметом *оскорбительной* статьи» в «Современнике», и затем дают мне совет: «Не торопитесь, не обращая внимания на среду, в которой они (люди, подобные г. Пирогову) действуют, *бросать в них камнем и грязью*» («Отечественные записки», IV, стр. 62)^[4]. В VI № те же «Отечественные записки» «с искреннею благодарностью» помещают письмо какого-то г. Е. Суд., который выражается так: «*Самым неделикатным образом, во имя либерализма и гуманности, г. – бов отнесся к г. Пирогову*» (стр. 138)^[5]. «Не больно ли, когда какой-нибудь *журнальный крикун*, во имя либерализма и гуманности, *вздумает посягать* на такую личность, как Пирогов?» (стр. 142). Г-н Драгоманов также читает мне свысока назидание: «Не мешало бы *иметь побольше действительного уважения к личности* и долго подумать, прежде нежели окрестить человека *обидным прозвищем плантатора*. А то мы все как-то много фразерствуем о гуманности, а между тем *слишком торопимся негуманно обращаться с лицами*, особенно во имя гуманной идеи. Это наконец начинает надоедать. Пора от этого отделаться» («Русская речь», № 54, стр. 29)^[6].

Ну, словом, я – обидчик, крикун, клеветник; мое призвание состоит в том, чтобы *посягать* на благородные личности и бросать в них грязью и камнями... Что ж мне с этим делать? Защищаться? Противно очень, да, по всей вероятности, и бесполезно: ведь кого интересует задетый вопрос, тот может и справиться с моей прошлогодней статьей, а кто не интересуется, так для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвинения несколько не беспокоят: крики о страсти журнала, в котором я пишу, к поруганию всего высокого сделались уже таким неизбежным общим местом всякой полемики против нас, что я бы очень удивился, если бы журнальная братия не воспользовалась таким великолепным случаем, как моя статья о «Всероссийских иллюзиях».

Да, впрочем, что же и за дело публике до моих тайных намерений? Я мог бы доказать, положим, – что писал статью свою с наилучшими расположениями; но если она вышла несправедливо-оскорбительна, все-таки мне пришлось бы сознаться в дурном поступке и просить прощения. Отсутствие злонамеренности могло бы служить только облегчающим обстоятельством. Но я беру самый факт и утверждаю, что статья моя не заключает в себе ничего оскорбительного для честного и правдивого деятеля, каким представляется нам г. Пирогов, – и несмотря на все противные крики, несмотря на последующие объяснения некоторых обстоятельств, несмотря на охлаждение первых впечатлений, я ничего не могу взять назад из этой статьи.

Часто случалось мне слышать упреки, что я обращаюсь к почтенным лицам в небрежном и насмешливом тоне: тон статейки о г. Пирогове не может подвергнуться даже этому упреку. В серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уважение, которое питал я к г. Пирогову, и то огорчение, которое почувствовал я при виде жалкого факта, допущенного и освященного его авторитетом. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросов жизни»^[7] и светлым его взглядом, я вместе с другими предавался, против моего обычая, безрассудной иллюзии, что вот *этот-то* человек может неуклонно провести

свои взгляды на практике и одолеть сопротивление среды. Это я высказал тогда и печатно, в назидание профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутации, показался мне на практике весьма несостоятельным^[8]. Но горький опыт разрушил восторженные иллюзии: и г. Пирогов оказался слабым перед средою, и он уступил, уступил не в мелочи, а в принципе, уступил в том, против чего решительно и ясно заявлял свое мнение прежде. Я увидел, что, вместе со множеством других, я преувеличивал свои надежды, увидел, что напрасно считал возможным для одного человека победу над мрачною средою, окружающею всех нас, и счел нужным высказать это для заявления своего мнения пред теми, которые, может быть, мною же отчасти введены были в ошибку, подобную моей. Поэтому смысл всей статьи вышел таков: вот мы бегаем за разными авторитетами, воображая получить от них все, чего желаем: увлечение, достойное наивного детства! Суровый опыт говорит нам постоянно, что под давлением нашей среды не могут устоять самые благородные личности; посмотрите – вот одна из лучших, Н. И. Пирогов, – а между тем с своим комитетом он принужден постановлять законом то, что прежде сам же объявлял несправедливым и диким, Горько будет, если и в этом несчастном уклонении последуют за ним те, которые шли за ним по прямой дороге... И заключение статьи состояло в предостережении, которое я позволю себе выписать здесь:

«Нет надобности полагать свое спасение в деятельности какого-нибудь известного лица и слепо верить ему, а надо делать дело сообща, пока идет сообща, и продолжать в одиночку, если другие свернут в сторону, хотя бы эти *другие* были превознесены всеми похвалами и украшены всеми венками... Времена сказочных богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велению, Иванушкину прошению, – от влияния окружающей среды не могут освободиться даже самые лучшие личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую деятельность, а надобно хлопотать о том, чтобы самому понимать дело и уметь вести его, по мере сил и возможности. Тогда мы приобретем две выгоды: не будем лжецами пред самими собою и не будем испытывать мучительных сомнений от идей г. Миллер-Красовского^[9], даже в том случае, если нам станет проповедовать их *сам* г. Пирогов».

Чем же мог бы тут оскорбиться г. Пирогов? Неужели тем, что из него не делают и не советуют делать кумира? Неужели тем, что убеждают принимать сознательно и с критикою его мнения? Неужели тем, что вызывают свежие силы – не откликнутся ли они из той самой среды? мертвящему влиянию которой должен был уступить сам г. Пирогов, действительно приобретший себе на Руси репутацию характера твердого и непреклонного?

«Нет, – говорят нам наши противники, – не то было оскорбительно в статье, а вот что: в ней нападали на Пирогова, как будто не изменившего своим убеждениям, а между тем он им вовсе не изменял, а только уступил – во-первых, большинству комитета, а во-вторых – статьям училищного устава, которых он не вправе был отменить». По мнению г. Праздношатающегося в «Отечественных записках», г. Пирогов этим обстоятельством совершенно оправдывается, а по уверению гг. Е. Суд. и М. Драгоманова, даже особенно возвышается. Г-н Драгоманов пространно рассуждает, что «это подчинение коллегии не отрицательно только хороший факт, не порок только, но добродетель. Пирогов не только подчинился решению коллегии, которую создал, – *он не хотел иначе действовать, как посредством коллегии*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Из басни И. И. Дмитриева «Чижик и зяблица» (1793).

2.

В 1861 г. Н. И. Пирогов был вынужден оставить пост попечителя Киевского учебного округа из-за враждебного отношения к его деятельности со стороны местной киевской (генерал-губернатор князь Васильчиков) и петербургской администрации, в том числе самого царя.

3.

Добролюбов с мая 1860 по июль 1861 г. находился за границей на лечении.

4.

Добролюбов цитирует фельетон «Заметки празднующающегося», который вел М. П. Розенгейм (ОЗ, 1861, № 4).

5.

Цитируется заметка Е. В. Судовщикова «Пирогов и «Современник» (ОЗ, 1861, № 6).

6.

Цитируется статья М. П. Драгоманова «По поводу заметки о Н. И. Пирогове в № 4 «Отечественных записок...» (Русская речь, 1861, № 54).

7.

См. примеч. 13 к статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (наст. т., с. 679).

8.

Речь идет о рецензии на «Собрание литературных статей» Пирогова и «Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии...», в которой Добролюбов противопоставлял принципиальную и твердую позицию Пирогова в вопросах воспитания (в частности, безоговорочное отрицание им телесного наказания) поверхностному педагогическому «либерализму» инспектора практической академии М. Я. Киттары (Совр., 1859, № 2; см.: IV, 201–212).

9.

Н. Л. Миллер-Красовский – педагог-рутинер, проповедовавший, в частности, «благотворное» воспитательное действие пощечины (см. примеч. 16 к статье «Всероссийские иллюзии...» – наст. т., с. 680).

22.

Брошюра была издана в Киеве в 1861 г., а затем перепечатана во многих газетах и журналах.

23.

Газету «Русская речь» (Москва, 1861–1862) издавала Е. В. Салиас де Турнемир, а редактировал Е. М. Феоктистов.